

Народные мемуары

Татьяна ГЛОВАЦКАЯ

ЖИЗНЬ В ОЖИДАНИИ ЖИЗНИ

С чего все началось?

В сентябре 1972 года моя сестра Галина передала мне в роддом чистую тетрадь с карандашом, чтобы я могла писать родным записочки. Конечно, я их писала, но тетрадные листы привычной школьной разлиновки так манили, что неожиданно для себя я взяла и написала все, что произошло со мною накануне, — чтобы ничего не ушло из памяти.

После выписки я дала прочесть это мужу и Гале. Ну, прочитали, что-то сказали или промолчали, сейчас уже не помню. А мне казалось, что рождение ребенка, как первого, так и второго, было для меня самым главным в жизни.

Иногда я вспоминала про свои записи, но жизнь, занятая работой, детьми, домом, мамой, родными, не оставляла времени на раздумья, однако я о них не забывала.

В 1995 году моя дочь вышла замуж, в 1996-м — сама стала мамой. В какой-то из ее дней рождения я решила напечатать и подарить дочери историю ее появления на свет. А кому же еще, если это *про* и *для* нее... Начала рассказывать издалека — с самого начала нашей семейной жизни. Напечатала, отдала, дочь прочитала, сказала, что прониклась и даже всплакнула. На этом вроде бы все и закончилось. Это была «проба пера» или «первый звоночек».

«Второй звоночек» прозвенел сначала тихо, за год до кончины Раисы Александровны, моей учительницы, когда она доверила мне самое важное дело всей жизни — дала прочесть свою рукопись. Читала взахлеб! Было столько общего в нашей с ней жизни в одном городе, на соседних улицах! Общая школа, дружба, взаимопомощь.

В 2007 году Раиса Александровна умерла. Ее смерть потрясла меня. И в память о дружбе с этим человеком я написала о ней — все, что помню. Это был «третий звоночек».

Издать книгу Раисы Александровны удалось только в 2012 году.

Все это время я активно записывала все, что вспоминалось из моего детства и юности. Писала, не соблюдая хронологии, — лишь бы не потерять. И всюду лежали записочки — еще это не забыть и то вспомнить. Заставила Милу записать все, что еще осталось в памяти и у нее.

И каждую свободную минуту пыталась собрать ускользающие из памяти события из жизни своей семьи. Достала старые папки с документами родителей и деда. Все, что смогла, привела в порядок. Много раз я разговаривала с подругами детства — ведь каждый помнил что-то свое.

Наш дом

В нашем доме на улице Крылова, 14 было пять этажей, два подъезда. В нем жили все те, кто работал на аэрогеодезическом предприятии. В каждой квартире были дети. Ну, почти в каждой. И все дети учились в одной школе. Любой взрослый, проходя по двору, мог сделать нам замечание, и это воспринималось нормально. Ведь все родители были знакомы.

В первом подъезде жили два мальчика: Игорь Лямзин и Слава Беспалов. Это были наши вожаки, «матки». Если начиналась игра в казаки-разбойники или во что-то другое — они возглавляли две команды. Все ребята делились на пары, обнимали друг друга за плечи, отходили в сторону, чтобы никто не услышал, и придумывали себе какие-то кодовые слова (ты — ласточка, я — синица, к примеру), потом шли к «маткам».

— Матка-матка, чей допрос, кому — в рыло, кому — в нос! Ласточка или синица?

Каждый вожак выбирал понравившееся слово, и игроки разделялись на команды.

Я с восьми лет тихо страдала по Игорю. Тихо — это мягко сказано! До 16 лет страдала, испытывая просто физическую боль от этой любви! Откуда-то у меня взялась крошечная фотография Игоря с уголком. И когда я садилась есть, это фото лежало рядом с тарелкой, я ела, смотрела на нее и страдала! Игорь ничего не знал, конечно, и вообще не обращал на меня внимания. Я была очень некрасивой и худой девчонкой.

Бедный Игорь! Он погиб страшно и нелепо, став совершенно случайно свидетелем угона машины из соседнего гаража, и грабители хладнокровно размазали его по стене.

Особенно всем запомнился Славка Беспалов. Он все время придумывал младшим какие-то интересные занятия. Например, мы всем двором делали кукол, а он показывал нам представления кукольного театра. В цокольном этаже второго подъезда были помещения геокамеры, а под первым подъездом была кочегарка. Окна этих помещений выходили в глубокие ямы, стены которых были забетонированы.

В этих ямах было очень удобно прятаться. И вот Слава прыгивал в яму, а руки с куклами выставлял на барьер. И представлял!

В нашем палисаднике мы лепили из глины маленькие кирпичики, из этих кирпичиков строили дома, из домов — улицы, прокладывали дороги для игрушечных машин, ставили шлагбаумы и прочее. Причем все уже были школьниками средних классов, но было очень интересно! Вечерами в беседке мы все часто играли в колечко, в садовника и просто болтали. В темноте можно было увидеть летающих светлячков. С той поры я их не встречала даже в лесу.

Регулярно во дворе устраивались субботники. Дети оббегали все квартиры и звали жителей на уборку территории. Обычно никто не отказывался. Но были такие вредные, что не выходили никогда.

Совершенно незабываемы игры в штандер и вышибалы. Нет смысла пересказывать правила, но это было интересно! Однажды при игре в вышибалы мне нечаянно засветили настоящим мячом для большого тенниса в голову. Я натурально почувствовала и искры из глаз, и кружение головы, как в мультиках, и некоторую потерю ориентации на какое-то время. Никто ничего не заметил, я не упала. Через много лет я имею последствия этого удара — выступ на кости черепа за левым ухом, вызывающий удивление парикмахеров. Слава богу, что в момент полета мяча я смотрела вправо, а то бы вышибли глаз.

Напротив нашего подъезда торцом к нему стоял длинный сарай. В нем было много дверей, за которыми для каждой квартиры — кладовая и погреб.

В сарае хранили всякие нужные не каждый день вещи, в погребах картошку, соленья. Погреба были такими глубокими, что надо было спускаться по лестнице. Там было очень холодно, на стенах — белая плесень. Я всегда с ужасом и омерзением на нее смотрела. А когда прочла книгу Каверина «Открытая книга» про создание пенициллина из плесени, то вспомнила эту плесень — неужели из такой?

В нашем погребе стояли большие бочки с квашеной капустой, огурцами и помидорами. Мама посылала кого-нибудь из нас за соленьями, мы шли вдвоем, открывали бочки, сначала пробовали помидоры на вкус, а потом набирали в миски и несли домой. Таких вкусных огурцов и помидоров я не ела больше никогда, а все, что мы делаем в банках теперь, не идет ни в какое сравнение с соленьями в бочках.

Мама часто приносила с базара круг замороженного молока. Поскребешь сверху, на пальце остаются белые хлопья застывшей пенки — сладкие!

Обычно осенью мама покупала картошку и капусту на зиму. Делала это она всегда со своей подругой Мусей Афонинной. Они шли на центральный рынок рядом с нашим домом и ждали, когда народ из деревень привезет овощи. Народу, ждущего этот привоз, обычно было много. Привозили овощи на телегах и больших двухколесных тачках. За каждым возчиком сразу пристраивались женщины и шли за ним до места, где он останавливался. Сначала мама и тетя Муся

покупали несколько картофелин, быстро бежали домой, так как от рынка до нашего дома было буквально два шага. Картошку чистили и ставили варить на керогаз. Когда картошка была готова, ее пробовали, смотрели, разваривается она или нет, не чернеет ли. И только после этого мамы возвращались на рынок и покупали картошку уже мешками. Мы встречали у ворот большую тачку с мешками, которую очень споро катил продавец, а за ним спешили мамы. Потом мешки сгружали возле сарая и каким-то образом, наверное, ведрами, картошка опускалась в подпол. Потом она накрывалась не то одеялами, не то чем-то подобным, потому что могла и промерзнуть.

И все это мама делала без помощи отца, который этим никогда не занимался, потому что у него было больное сердце. Сколько помню себя — просыпаешься ночью оттого, что верхний свет бьет в глаза. В доме чужие люди, скорая, пахнет лекарствами...

А вот наступает время засолки капусты. Появлялась капуста в доме таким же образом, как и картошка, с той лишь разницей, что капусту покупали сразу, не пробуя. Потом по дому устанавливалась очередь за шинковкой. Ножом резать долго, поэтому ждали, когда она появится и у нас. Шинковка — это такая довольно большая доска, посередине которой наискосок расположены ножи. Шинковка устанавливалась на таз, вилок капусты водили с усилием туда-сюда по ножам, а нашинкованная капуста падала в таз. Кочерыжки бросали на пол у печки. Образовывалась целая гора. Нас звали домой и заставляли есть эти кочерыжки. Не пропадать же добру! Они были такими сладкими! Я рассказываю это только про себя, так сказать со своего уровня, со своего этажа. Что там делалось выше, у старших сестер, не очень помню. Они, конечно, помогали тоже. Но у них все-таки была своя, более взрослая жизнь.

Так вот, вернемся к сараю. Край наклонной крыши в сторону дверей высоко над землей, а скат в другую сторону — совсем низко. С этой стороны мы и залезали на крышу. И прыгали в снег с высокой стороны! Это было упоительно! И не страшно совершенно! Мне до сих пор снится, как я прыгаю с крыши сарая в снег.

Недалеко от последней двери сарая рядом с помойкой стояла побеленная уборная. Слово «туалет» стали говорить много позже. А тогда этот домик назывался именно так.

Все остальное пространство было свободным. Летом там вешали белье на просушку. Мама обычно просила нас играть рядом с бельем, чтобы ничего не украли. И мы вроде бы скакали рядом, но что-то все равно снимали и уносили какие-то люди, которых мы не замечали. Сзади сарая был проход, оттуда возникали эти неведомые воры. Мама потом ругалась: как же мы проворонили! А мы не видели никого, конечно, потому что заигрывались.

Однажды я увидела в этом проходе какого-то страшного мужика, который прятал большой мешок. Он тоже увидел меня, оскалился и грозно сказал:

— Молчи! Скажешь кому-нибудь — найду и убью!

Я так испугалась, что ноги просто выросли в землю. Почему-то никого из ребят во дворе не было. Еще раз оглянувшись и погрозив мне пальцем, мужик убежал. Рванула домой, никому ничего не сказала, но долго боялась выйти во двор.

Зимой нам строили горку. И мы катались на чем попало, в лучшем случае на обрывке картона, но в основном на своих пальтишках, и на попе, и на спине, и на животе вперед головой. Мама обычно наблюдала это из окна нашей кухни.

Помню, что наконец-то мне купили новое зимнее пальто бордового цвета, именно для меня, потому что обычно я донашивала одежду старших сестер. И вот однажды мама обнаружила у меня дыру прямо под правым рукавом. Оттуда торчала вата! Как? Что? Откуда? Мама вертела меня из стороны в сторону, а я сама искренне недоумевала, откуда там дыра? Но горка тут ни при чем! Просто в наших подъездах были совершенно уникальные перила! Округлые, гладкие, полированные, коричневые. И вот мы поднимались на пятый, последний этаж, укладывались на перила так, что они оказывались как раз под мышкой. Ноги — в левую сторону, ближе к стене. И катились до первого этажа, перебирая ногами! Какое же пальто такое выдержит!

Поскольку я была девочкой-мальчиком, а не девочкой-девочкой, то вечно ходила в чулках с продранными коленками и рванными подолами сзади на платьях, потому что во время перелетов через заборы подол обычно зацеплялся! И как бедная мама справлялась с этими починками!

Где-то брали гудрон, жевали. А вот знали об этом взрослые или нет?

В нашем подъезде на втором этаже жил Валерка К. Он учился с нами в одном классе. Почему-то мы его не любили. За что — сейчас трудно сформулировать. Но было в нем что-то очень противное нашим представлениям о дружбе, поведении и т. д. Если в школе он получал двойку, то при всем классе подходил к столу учителя, ревел крокодиловыми слезами и канючил, чтобы поставили тройку. Нисколько не стеснялся ни девчонок, ни ребят. Поэтому мы выжидали, когда он выйдет во двор гулять, наваливались на него и били, валяли в снегу, в общем, всячески его изводили. Конечно, били — это условно. Никакой крови, боже упаси. А вот в снегу извалить, снега за воротник — это да!

Зима. Я прыгаю на нашем крыльце, холодно. Кто-то из мальчишек выходит из подъезда и говорит:

— Хочешь посмотреть, что будет, если ты лизнешь ручку двери?

Конечно, хочу! И я немедленно высовываю свой любопытный язык и... Чувствую, что язык пристал к железной ручке намертво, а оторвать его не могу! Ору, точнее рычу, слезы бегут по лицу, пацан хохочет. Наконец я сама отрываюсь от двери, во рту кровь, больно...

Хорошо помню, как во двор заходили старьевщики, точильщики ножей, ножниц. Мы стояли рядом, смотрели на отлетающие от точильного круга искры.

Зайцевы

В каждой квартире жило несколько семей. На втором этаже, прямо над нами, жили Зайцевы, кроме них — еще две семьи. У Зайцевых было две комнаты. Отец Николай Михайлович, мать Зоя Николаевна и дети Таня и Борис. Это был второй брак Николая Михайловича. Первая его жена умерла. И как рассказывала моя мама, Николай Михайлович сильно плакал, а во время выноса шел впереди по лестнице и разбрасывал цветы. От этого брака у него было двое детей — сын Виктор и дочь Наташа. Сын-студент вскоре утонул, а Наташа, очень красивая девушка, училась в другом городе. И когда она приезжала в гости, то и Таня, и Борис не отлипали от нее, они ее очень любили. Как сейчас помню — Наташа сидит за столом, а брат и сестра держат ее руки в своих и красят ей ногти — Таня на левой руке, а Боря на правой. Мне кажется, что и Таня была от первого брака, и только младший, Боря, был общим ребенком.

Родители Тани и Бори были удивительно терпеливыми людьми. Детей, по-моему, и не ругали никогда. Я любила прибегать к ним по вечерам. Во-первых, у них был телевизор, а у нас его долго не было. И можно было посмотреть кино в 7 часов вечера. Мама обычно меня не пускала, но я ужасно хотела посмотреть кино и делала так: брала ключи, говорила: «Я сейчас приду!» — и стремительно убегала. Мамой взлетала по лестнице, звонок в дверь (каждому соседу — свое количество звонков), и я уже у Зайцевых. Это называлось — «пошла на телевизор». Старшие Зайцевы ни разу не выразили своего недовольства по поводу моих визитов! Обязательно приглашали к чаю. Посредине комнаты стоял круглый стол, как и у нас. И хотя к чаю было что-то совсем простое — сушки, сухари, все равно было приятно. Пили чай, смотрели телевизор.

С Таней и Борей я дружила, мы вместе читали, играли в карты — они меня научили. Но я была удивительно тупа в этой игре. То есть я запоминала правила, но схитрить, подумать, как правильно пойти, что придержать, что выложить, — это было для меня тайной. И чаще всего я оставалась в дураках. Еще играли в лото и домино.

Помню, как мы читали вслух «Трое в лодке» Джерома. Один читает, а двое других просто валяются на полу от смеха. Читали по очереди, потому что читающий тоже хохотал и не мог нормально произносить слова. Помню, что однажды в комнату, где мы хохотали, зашла Зоя Николаевна, послушала текст и сказала:

— Не пойму, что тут смешного!

А мы не могли понять, почему ей это не смешно.

Однажды я пришла к Зайцевым днем. Дверь мне открыла соседка, хотя я звонила правильным звонком Зайцевым. Я вошла и увидела, что дверь в их комнату открыта (она была в конце коридора прямо напротив входной двери). У письменного стола спиной ко мне сидел Боря, но ног его под стулом почему-то не было видно. Я подошла к нему сзади и увидела, что он сидит на стуле с ногами, прижимая

к себе колени обеими руками. Меня он не заметил, хотя я уже стояла рядом, да и звонок он тоже должен был слышать! Окликнула его, он вздрогнул, повернул ко мне лицо — оно было бледным! Перед ним лежала раскрытая книга.

— Что ты читаешь? — спросила я.

— А? Что? «Пестрая лента»!

Я поняла. Он так увлекся и так прочувствовал содержание, что ему стало страшно! Да, было время, когда мы увлекались Шерлоком Холмсом! И я его поняла и не осудила.

Боря был помладше нас с Таней, в основном я дружила с ней. Они тоже приходили ко мне в гости, но это было сложнее, у нас всегда было тесно, много народу и играть было негде. Папа говорил про Бору: «Пришел твой друг».

Но вот однажды никого не было дома, мы уселись у нас на диване и начали играть в карты. И тут вернулся с работы отец. Он увидел нас, «картежников», и сказал, проходя мимо, что-то нелестное в адрес умственных способностей людей, играющих в карты, то есть, по его мнению, это не являлось умным делом. Мы сразу прекратили игру и смылись наверх к Зайцевым, где нас никто не ругал. Но с той поры я не люблю карты и очень боялась, как бы мои дети не начали в них играть.

Отец никогда мне этого не поминал, карт у нас дома не водилось. Зато он научил нас играть в другие игры.

Когда мы переехали в Кировский район, общение прекратилось, телефонов не было. Но я до сих пор жалею, что не виделась больше с друзьями детства. Помню, что Таня поступала в мединститут пять лет подряд, но так и не прошла по конкурсу.

А Боря живет где-то в Кольцове. Где ты, мой друг?

Телевизор

Как я уже писала, телевизора у нас долго не было. И мы бегали то к одним, то к другим соседям, чтобы посмотреть фильм вечером. Старались блюсти приличия и не ходить к одним и тем же каждый вечер.

Чаще других ходили к Афониным в другой подъезд. Хорошо помню, что на фильм-оперу «Евгений Онегин» с Вадимом Медведевым и Ариадной Шенгелай мы ходили как раз к ним. И мама тоже пришла со мной, так как очень любила оперу вообще и эту в частности. Поставили рядами стулья, как в кинотеатре, мама сидела прямо за мной. Фильм был чудесный, пели за актеров настоящие певцы. Музыка была прекрасна, сюжет, сами понимаете, трагический. Я оперу знала почти наизусть, все арии. А последнюю сцену Онегина и Татьяны могла спеть за них обоих. И вот я смотрю, слушаю и изо всех сил пытаюсь сдержать слезы, которые коварно выливаются из глаз, несмотря на моргание. Очень стыдно, ведь здесь не кинозал, где можно в темноте смахнуть слезы. В комнате светло, стыдно, что засмеют.

Но все-таки есть маленькая надежда, что не заметят мокрое лицо. И тут мама наклоняется к моему уху и говорит:

— Значит, музыка доходит до тебя!

Боже мой! Что было со мной, я не могу объяснить! Значит, заметили, застукали! Как стыдно! И долго я не могла маме этого простить. Да, иногда лучше не заметить, промолчать...

Музыка

Первый раз на симфонический концерт меня привела тетя Леля, папина сестра. Не помню теперь, в каком классе я училась. Наверное, класс седьмой-восьмой. Играли «Болеро» Равеля. Я потом часто ходила на концерты, покупала абонементы каждую зиму. Поэтому расположение инструментов в оркестре изучила хорошо. Но при исполнении «Болеро» главную партию ведет барабанщик, поэтому он со всеми своими барабанами стоит на переднем плане близко к дирижеру.

Но я всего этого еще не знала. Меня захватила, заворожила эта музыка! Одна и та же тема звучит много раз, эту тему постепенно подхватывают по очереди все инструменты, и к финалу, когда в игру вступает уже весь оркестр, это похоже на извержение вулкана, на гром среди ясного неба! А конец — это, действительно, взрыв, падение с высоты, крушение!

Я была просто вне себя! Необыкновенно! Не знаю, случайно или намеренно тетя Леля повела меня именно на этот концерт, чтобы услышать «Болеро», или просто так совпало, что оно исполнялось в тот вечер. Но я видела, как она была довольна произведенным на меня эффектом, она просто сияла! А я и говорить-то толком не могла! Музыка все звучала в моих ушах! Потом мама часто звала меня, если оно исполнялось по радио: «Иди, слушай свое “Болеро”!»

Вообще мама очень хорошо пела, могла назвать любое произведение классической музыки, услышанное по радио. Ведь, кроме радио, не было ничего! Там звучала хорошая музыка, передавали записи спектаклей, интересные радиопостановки. И мы слушали их по многу раз! Какие голоса, какие актеры! И какой ужас я испытывала, когда слушала по радио «Собаку Баскервилей»! Я ставила маленький стульчик поближе к двери в другую комнату, потому что было реально страшно! Позже так же поступал Костя, Милин сын, когда слушал пластинку со спектаклем «Рикки-Тикки-Тави»: сидел у выхода из комнаты подальше от проигрывателя...

Бесконечно благодарна тете Леле за этот концерт! И за многое другое.

Я была еще маленькой и хорошо помню, как однажды тетя Леля взяла меня к себе на работу в управление железной дороги. Огромный дом, лифт на высокий этаж, большие комнаты с кульманами. Со мной все были приветливы, дали много цветных карандашей.

А когда я подросла, тетя Леля часто рассказывала мне, как у них на работе отмечали праздники. Например, в праздник 8 Марта

на большом зеркале в холле зубным порошком рисовали овал женского лица, вьющиеся волосы, а вокруг — цветы. Я спросила зачем. А это для того, чтобы женщина, подошедшая к зеркалу поправить прическу, подкрасить губы, увидела свое лицо в этом овале. Еще тетя Леля читала мне всякие стихи, которые она писала к юбилеям сотрудников. Я слушала, но одобряла не всё, потому что размер в стихах все время нарушался. Одна строка была короткой, другая очень длинной. Я пыталась сказать, что это не совсем правильно, что надо переделать, но тетя Леля говорила, что главное — это смысл, а по смыслу все верно и правильно. Я не спорила, но осталась при своем мнении. Но все равно эти идеи подтолкнули меня к сочинению таких же поздравительных опусов.

Царская невеста

Я училась во втором классе, помню это точно. Семья Потаниных позвала меня с собой в наш Оперный театр на оперу Римского-Корсакова «Царская невеста», так как у них был лишний билет. Итак, дядя Сережа, тетя Нина, Наташа Потанина и я пришли в театр. Мы сидели на очень престижных местах, то ли первый, то ли второй ряд слева, если смотреть на сцену из зала. Мне понравились костюмы — настоящие, царские. Григорий Грязнов — черноволосый, бородатый, в красивом камзоле, стоячий воротник, расшитый чем-то ярким. В общем, красавец-баритон! До сих пор помню его арию: «Не узнаю Григория Грязнова, не узнаю теперь я сам себя...»

И надо же, Любаша не любит его, он ей не нравится! Непонятно! А любит Ивана Лыкова, маленького, круглого, толстенького! Все тенора какие-то такие неказистые! И эта непонятность до сих пор меня беспокоит! Ведь внешний облик артиста и его образ (добрый или злой) должны совпадать. Иначе разрушается доверие маленького зрителя. А тут еще все так близко видно!

С годами я стала не так остро воспринимать внешность артиста и образ, просто поняла, что в жизни все наоборот. Слава богу, что хотя бы Виолетту в «Травиате» всегда поет актриса не толстая!

Но когда я захотела приобщить младшего брата к опере и повела его на «Князя Игоря», мне пришлось долго внушать ему, что в опере главное — голос, а не внешний вид. Но мне и самой было смешно, что Кончаковну, которая кокетничает на сцене, пела очень толстая певица. На ней были белые шальвары с разрезами впереди от бедра до колена, а под ним прихвачено чем-то блестящим, потом от колена до щиколотки еще один разрез! На сцене стояла повозка, короткая часть которой была опущена до земли. На эту наклонную повозку Кончаковна прилегла очень игриво. Выглядело это ужасно! И мой брат сказал с отвращением:

— Это молодая девушка? Никогда не води меня на оперу!
Думаю, что больше брат в оперу не ходил.

Азбука Морзе

Как странно вспоминается! Читаю в газете про сигнал бедствия SOS. Трактуют эти слова по-разному, но они все равно означают, что нужна помощь, кто-то терпит бедствие, и эти три буквы передаются азбукой Морзе.

Когда я была подростком, а брат совсем еще мал, отец купил такую игрушку — два аппарата Морзе, соединенные очень длинным проводом. К этим аппаратам было приложено описание и азбука Морзе. Конечно, я загорелась и стала учить ее. И вечерами мы с папой расходились по разным комнатам и передавали друг другу всякие сообщения. Потом приходили Зайцевы, и мы играли с ними втроем. Куда все потом делось, не знаю...

Велосипед

У нас в семье не было велосипеда, слишком много детей, да и жили трудно. Когда я приходила в гости к бабусе, я каталась на Кати-Томином дамском велосипеде, но это было не так часто, как мне бы хотелось.

В нашем подъезде было два велосипеда — у Димы Бершадского и у Лены Ангеловой. Велосипед Димы был мужской, взрослый, очень тяжелый. Я пару раз выпросила у него велосипед покататься, в первый раз все было нормально, а во второй раз пришлось резко затормозить, я не сумела вовремя соскочить, упала и ударилась. А Димка меня еще и по спине огрел — велосипед немного пострадал. А меня ему было не жалко. Я затаила обиду. А вот сейчас на сайте он очень приветливо со мной разговаривает, иногда звонит по телефону из своей Канады, а про этот случай он, конечно, забыл, и я не напоминаю.

Второй велосипед был у Лены Ангеловой, она жила в квартире напротив нашей. Велосипед был дамским, ездить на нем было легче, чем на Димином. Но надо было дожидаться, когда Лена сама захочет кататься и выйдет во двор, тогда бы и мне повезло. Но чаще всего Лена выходила во двор играть с нами в прятки, в вышибалы, в штандер. И чтобы выманить Лену на улицу с велосипедом, я так унижалась! Стучала ей в окно, заискивающе спрашивала, не хочет ли она погулять. Если Лена соглашалась, то надо было как-то ненавязчиво намекнуть ей, что надо бы выйти с велосипедом. И я умоляла ее, боясь спугнуть уже полученное согласие на прогулку, чтобы она вышла гулять не просто так. Я даже не называла велосипед этим словом, я говорила:

— Вынесешь великана?

Лена не понимала, я открывалась немного:

— Ну, с великом!

Лена морщилась, ей кататься не хотелось, а тащить его для меня ей было не интересно. Но если на мои робкие просьбы Лена отвечала снисходительным согласием, то моему восторгу не было предела!

Как я хотела велосипед! И спасибо Лене, что она иногда соглашалась.

Цепи кованые...

Была такая игра. Вставали друг против друга две цепи, и все крепко держали друг друга за руки. Одна из цепей кричала другой:

— Цепи кованые, раскуйте нас!

Противник отвечал:

— Кем из нас?

В ответ называлось имя того, кто должен бежать и разбивать цепь.

Выбранный выходил вперед и бежал на цепь «противника», стараясь разорвать ее, наваливаясь на сцепленные руки всем телом. Если бежал мальчик, он старался разбить сцепку между девочками. Если ему это удавалось, то он забирал в свою цепь одного игрока. Потом бежал следующий из цепи победивших. Если разорвать цепь не удавалось, то бежавшему приходилось вступать в ряды этой более прочной цепи.

Цепи кованые, раскуйте нас...

Зоопарк

В пятом классе мы с Наташей Черноморской стали ходить в зоопарк в кружок юннатов. В то время наш зоопарк располагался напротив центрального рынка на улице Гоголя, совсем недалеко от нашего дома. Рядом стояли жилые дома, жители которых не знали покоя ни днем, ни ночью потому, что звери рычали и кричали очень громко. Как мы туда попали, не помню, наверное, первой туда пришла Наташа, а потом и меня втянула. Там был очень хороший кружок и чудная руководительница — Серафима Васильевна.

Во-первых, мы проходили в зоопарк без билета, мы же стали юннатами (сокращение от слов «юный натуралист»). Во-вторых, мы не просто там болтались без дела. Каждый должен был выбрать себе животное для изучения, а все наблюдения заносить в дневник. А потом на семинарах докладывать членам кружка про своего питомца.

У Наташи была старая волчица Леда. Она была седая, мрачная, но Наташа упорно ее приручала. А я выбрала самку пятнистого оленя, которую звали Мика. У нее были очень красивые ветвистые рога. Такие висели на стенах многих квартир — символ богатства, так мне казалось. Я заходила в клетку, убирала мусор, давала корм. Мика меня боялась, косила испуганным взглядом и убегала в домик. Ее рога уже начали очищаться от бархатистой шкурки, которую она пыталась содрать сама, для чего чесала рога о сетку. Шкурка болталась кусочками и постепенно отваливалась.

Однажды я пришла к Мике и увидела, что рога у нее отпали и валялись на земле, лохматые и грязные. Спрашиваю Серафиму Васильевну, можно ли мне их забрать? Она разрешила, и я, довольная,

понеслась с ними домой, думая, что мама обрадуется этому богатству и у нас на стене будет висеть такая красота. Я сложила их за занавеску в коридоре, где мы хранили обувь. Маме было не до меня и не до рогов. Несколько дней они пролежали за занавеской и запахи отвратительно... Конечно, их нужно было отмывать, наверное, отчищать, полировать. Но я этого не знала, а маме всегда было некогда. И она выбросила их на помойку. Я ужасно плакала, ведь мне хотелось, чтобы в доме добавилось красоты. Обидно, что к моему поступку отнеслись как-то равнодушно, но что теперь об этом говорить!

Потом мы с Наташей и другими ребятами организовали «детскую площадку» для молодняка. В один вольер поместили медвежонка, волчат, лисят и зайчат. Помню, что несла зайчат под курткой, они там копошились, мягкие и теплые. Очень интересно было наблюдать, как все детеныши играли, еще не чувствуя, кто из них охотник, а кто — добыча. Около вольера всегда было много посетителей с детьми.

Интересно было работать с волчатами и лисятами. Мы подолгу сидели в клетке у волчат. Они нас не боялись, мы их — тоже. Когда я шла в зоопарк, то просила у папы 12 копеек на конфеты «дунькина радость», столько стоили 100 граммов. С этим угощением мы бежали к волчатам. Самое главное — правильно дать еду, чтобы пальцы остались целыми. Волчата не по умыслу, а по своей натуре могли запросто отхватить пальцы, так как они не слизывали с руки, а откусывали еду. Надо было зажать в закрытой ладони шарик конфеты и почти засунуть кулачок волчонку в рот. Он охватывал кулачок челюстями, в этот момент пальцы в пасти надо было разжать, и тогда волчонок языком захватывал угощение.

А вот лисята были очень разными. Детки рыжих лис были добродушными, легко приручались, а детки черно-бурых — очень коварными, как и их родители. Могли цапнуть сзади.

Кстати, как и волчата, лисы пахнут псиной. И вот после долгого общения с ними мы так пропитывались этим запахом, что дома приходилось все с себя снимать и переодеваться в домашнее. А ту одежду надевать только в зоопарк.

Был такой интересный случай. Я много рассказывала папе о наших занятиях в кружке и о нашей руководительнице. И папа захотел с ней познакомиться. И вот мы идем с ним в зоопарк. При входе — арка, с левой стороны которой окошечко кассы. Когда в зоопарк приходили мы, то нам нужно было только заглянуть в окошко — нас уже знали в лицо. Но тут со мной взрослый, откуда кассиру знать, что он пришел по делу, а не как обычный посетитель! И чтобы от папы не потребовали купить билет, я заглянула в окошко и сказала кассирше:

— Это со мной!

Боже мой! Как папа смеялся! Он не уставал рассказывать всем о том, как я, якобы небрежно кивнув в его сторону головой, сказала: «Это со мной!» А папа роста был немаленького, метр восемьдесят пять точно. Эта история долго еще припоминалась в нашей семье.

А потом Серафима Васильевна сказала нам, что есть план — построить в городе новый зоопарк! Мы поехали на край города в район ботанического сада, довольно далеко от нашей улицы Крылова. Там еще не было Ботанического жилмассива, не было тех домов на Дуся Ковальчук, где мы сейчас живем. Увязая по пояс в снегу среди высоких деревьев, Серафима Васильевна рассказывала нам, какой здесь будет чудесный новый зоопарк! И надо же было такому случиться, что после жизни в центре города, а потом около областной больницы мы переехали именно сюда! Катались на лыжах в том самом лесу, где в 1985 году начали строить новый зоопарк.

Законно

Когда мы учились примерно в классе пятом-шестом, у нас в ходу было слово «законно». Оно выражало, примерно, то же, что сейчас «в натуре», «стопудово», «железно» и т. д. И вот помню, поздний вечер, в первой комнате гости за столом, я за что-то наказана, и мне велено идти спать. Где другие братья-сестры — не знаю. Лежу на маминой кровати и обдумываю всякие планы мщения вплоть до летального исхода, то есть очень сердита. Взрослые думают, что я сплю, разговаривают громко.

И вот мама рассказывает, что дети сейчас говорят какое-то такое слово, типа «железно», но вспомнить его не может. Понимаю, что она говорит про слово «законно», которое мы употребляем непрерывно. И мне ужасно хочется маме подсказать! Но если скажу это громко, все поймут, что я не сплю, и неизвестно еще, как на это среагируют. Хорошо, если примут мою подсказку восторженно, а если нет? И вот так я лежу в муках долго... И все-таки не открываюсь...

Колхоз

После седьмого класса нас послали в Первомайский колхоз на прополку капусты. Мы жили в помещении школы — в классах, спали на раскладушках. С нами были молодая учительница Любовь Геннадьевна и Игорь Васильевич, учитель физкультуры, который был точной копией Олега Стриженова! А я была в этого актера безумно влюблена. Соответственно — страдала по Игорю Васильевичу.

Жили мы очень интересно. К нам приставили деревенскую женщину, которая варила еду. Каждый день с ней кто-то оставался для помощи. В это время остальные делали вид, что пропалывают капусту тяпками. Капуста была молодая, только-только видны были маленькие ростки. И мы — где по земле, где по капусте — тяпками...

Самая интересная жизнь начиналась вечером. У нас был проигрыватель, пластинки, и вечерами были танцы! Девчонки умудрялись меняться нехитрыми нарядами, чтобы каждый день выглядеть иначе. Наши мальчики долго ничего не замечали. Но однажды нас подвела

одна ситцевая юбка — на белом фоне крупные красные маки. Кто-то из мальчиков заметил эту переходящую юбку и спросил:

— А что, у вас одна юбка на всех?

Однажды, когда мы ушли в сельский клуб в кино (я сидела рядом с Игорем Васильевичем и тихо млела от счастья), к нам влезли деревенские ребята, прошлись по кроватям в обуви, разбросали все, кое-что пропало. Было неприятно.

Любовь Геннадьевна научила нас всех танцевать новый танец «Липси». Уже не помню, что это за танец! И еще она привезла из города «Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром». Мы все сидели в коридоре, где обычно танцевали, и слушали музыку. Я, конечно, изображала безумную любовь к музыке и слушала, опустив голову вниз, прикрыв ее руками. Концерт мне был известен и, безусловно, нравился, но надо было повообразить. В это время к нам пожаловали деревенские во главе со своим предводителем, которого мы прозвали Пимокатом. Чуб — в одну сторону, кепчонка — в другую, сапоги гармошкой, типичный первый парень на деревне. Не знаю, что он решил, но он подошел к Наташе Старикиной, чтобы пригласить ее на танец. По-моему, он был, как всегда, слегка нетрезв. На ее недоуменный вопрос — в чем дело, он ответил:

— Ну фокстрот же!

Папа

Папа проводил с нами не так уж много времени. Во-первых, он много работал, а во-вторых, временами у него была бурная личная жизнь, не всегда связанная с нашей семьей. Но если он хотел с нами пообщаться, то тогда все были счастливы. И на всю жизнь мы запомнили то, чему он нас научил. Игра в балду, в чепуху, причем он сам смеялся вместе с нами, а мы так прямо помирали со смеху, когда читали эту ерунду, которая получилась! В детстве все смешнее...

Потом он научил нас составлять слова из длинного слова на время. И самым плодовитым словом оказалось — «гимнастерка»! Из него можно составить около 200 слов! Проверьте!

Елочных игрушек в то время было мало. Перед Новым годом мы все садились за стол и делали из цветной бумаги цепи, гирлянды, снежинки. Грецкие орехи обжимали золотыми или серебряными конфетными обертками. Все это потом вывешивалось на елку.

И я, и моя сестра Мила хорошо запомнили комод, который папа сделал из спичечных коробков. Ящички выдвигались за ручки из тонкой проволоки. Этот комод размещался в игрушечной квартире — большой глубокой коробке. Там была еще какая-то мебель. Но самое главное, там висела маленькая лампочка от карманного фонарика. От нее шли провода к миниатюрному выключателю. И лампочка зажигалась в нужный момент.

Почему-то запомнилось, как мы пошли вечером с отцом гулять, а уже была старшекласницей. Он не часто гулял со мной, поэтому запомнилось. Мы шли на проспект через генеральский двор. Только что от нас ушел очередной аспирант, которого отец консультировал, поэтому зашла речь о написании диссертации, о ее защите и получении степени кандидата или доктора каких-нибудь наук. Спрашиваю, а что пишут в диссертации? И папа сказал, что нужно найти, открыть что-то новое, совершенно неизвестное в науке и представить результаты в своей работе. Я искренне удивилась, а где же взять это новое?! Как это? Помню свое изумление, когда папа сказал, что есть люди, которые находят новое, и это не редкость. Оказывается, вокруг все такие умные, а я?

О том, что папа увлекался певчими птицами, знают не только члены нашей семьи. Клетки были везде — висели на окнах, на стенах, стояли на шкафах. Клетки папа делал сам. У него были маленькие тисочки, которые живы до сих пор. Была ручная дрель, теперь она у Андрея. В рейках сверлились дырочки, кусачками нарезалась жесткая проволока, она протаскивалась через отверстия в рейках — так собиралась клетка. В ней выдвигалось дно, чтобы можно было сменить подстилку из газеты, вытрясти мусор. Конечно, нас заставляли это делать, хотя мы ленились, у всех были свои дела. Когда за столом собиралась семья и разговаривали все сразу, то птицы начинали так громко орать, что перекрикивали нас! Птиц отец покупал или менялся с такими же любителями.

Вот перечень певчих птиц, которые жили у нас дома: чечетки, реполовы, чижи, щеглы, овсянки, канарейки, поползни, клесты, дубоносы, синички-гаечки, славки, зяблики, варакушки, волнистые попугайчики...

К отцу ходил один старик с большой белой бородой — Алексей Михайлович, Мила вспомнила, что он был дядей нашего соседа по дому Толи Киселева. Они долго беседовали, советовались, к каким птицам подсаживать молодых кенаров для учебы. Алексей Михайлович называл отца на вы и по имени и отчеству, а папа его — на ты. Я про себя тихо возмущалась, ведь гость гораздо старше папы, и так нельзя обращаться к старшему...

Еще приходил молодой паренек Виталька, его мать работала с моей мамой. Он тоже интересовался птицами, но с другой целью: учился делать чучела. Виталька рос в неполной семье, и было видно, что он тянется к отцу, слушает его внимательно.

В выходные дни отец ходил на птичий рынок и звал меня с собой, а когда подрос Андрей, брал и его. Местонахождение птичьего рынка не было постоянным. Мне запомнилась Березовая роща. Там было старое кладбище — очередное временное пристанище любителей певчих птиц. Полуразрушенные могилы, поваленные кресты... Мы ходили между крестами и заросшими холмиками, не придавая этому значения. Момент покупки птицы как-то ускользал от моего внимания. Я на что-нибудь обязательно отвлекалась. Отец покупал

кого-то, и мы шли домой. Мама спрашивала отца, сколько стоит та или иная птица, но правды отец не говорил. Очевидно, это были немалые деньги. А я, как ворона, ничего не видела. Папа вовремя меня отвлекал.

А когда он брал с собой Андрея, то тот, как Павлик Морозов, по своему малому возрасту говорил маме всю правду:

— Ничего страшного, мамочка, это только сто рублей!

Сумма в то время очень приличная.

Когда мама родила Андрея, мне было семь лет. Отец, конечно, был очень рад рождению мальчика. Поскольку старший сын радости не доставил, а дальше шли девчонки, Андрей стал его последней любовью.

Помню концерт смотра художественной самодеятельности НИИГАиКа в старом ТЮЗе на Красном проспекте, где сейчас филармония. На первом ряду сидят мои родители. Мама — в напряжении, папа — доволен и горд. Я на сцене, за моей спиной оркестр нашего института. Мне не страшно, честное слово! Пою на английском языке песню из кинофильма «Серенада солнечной долины». Кто-то из преподавателей английского языка послушал пластинку и списал слова для меня. Вижу, что папа просто млеет от гордости...

Молодые люди в институте знакомились со мной чаще всего потому, что мой папа — Гловацкий! Хотели получить какие-то дивиденды, ведь он — завкафедрой геодезии. Однажды я по просьбе Наташи Напалковой подсмотрела экзаменационные билеты, чтобы помочь ей подготовиться. Прошу прощения за это!

У отца были дипломники, которые отдавали ему свои работы на проверку. Сначала их читал отец, а потом просил меня исправить орфографию и расставить запятые. Я с удовольствием это делала и важничала.

На полигоне отец часто ходил на рыбалку, скорее для удовольствия, чем для добычи. Ничего приличного в Ине не водилось. Когда в первый раз отец взял меня на рыбалку, я, конечно, пошла с ним. Мне было все интересно. По дороге он срезал длинные-предлинные пруты, они и стали удочками. Привязал леску, крючки, грузило, насадил червяка, я за всем наблюдала и училась. Укрепили их на берегу и стали ждать. Я терпела недолго. Рыба не клевала, мне стало скучно. Под каким-то предлогом я смылась.

Второй раз мы рыбачили с лодки, там я совершенно извелась — уйти было некуда с середины реки. Я сказала папе, что это занятие мне не нравится, оно не для моей слишком подвижной натуры. Папа был разочарован.

Запомнилась живая реакция отца на публикацию поэмы А. Твардовского «Теркин на том свете» в 1963 году в газете «Известия». Мы сохранили лист с поэмой, позже я сделала его ксерокопию, потому что он истерся. Папа и смеялся, и хвалил автора за смелость, и предсказывал ему неприятности, которые и последовали. А потом появилась пластинка, где сам автор читал поэму.

Полигон

Первые годы на полигоне еще не было никаких корпусов для студентов, а преподаватели жили все вместе в длинном бараке, который потом стал чертежкой. Как-то отец меня взял с собой на полигон, помню, что он ушел куда-то, а я сидела на его раскладушке и ждала, когда он освободится.

А добираться до полигона было сложно. Сначала на электричке надо доехать до станции Инская, а там пересесть на другую и проехать до следующей остановки: станция Издревая. Причем эти поезда назывались не электричками, а «передачами». С Издревой нужно было идти пешком до реки очень далеко, папа говорил, что пять километров, но я не помню — это расстояние только до моста через Иню или уже до полигона. Но для меня дорога была ужасно длинной! Сначала мы шли вдоль железнодорожного полотна. Справа появлялся пионерский лагерь, за ним деревенские дома, а потом уже Иня. Дальше нужно было переходить мост, что было не только страшно, но и очень опасно. Специально отгороженного места на мосту для прохода людей не было. Приближение поезда сзади можно было увидеть и переждать, пока он пройдет. А вот угадать, не идет ли навстречу поезд, нельзя, так как за мостом рельсы плавно уходили за поворот. И если поезд заставал нас на мосту, то папа командовал, чтобы мы прижались к перилам и встали спиной к поезду. Мост сотрясался, грохот был ужасным.

После моста тропинка спускалась вниз и шла по полю вдоль Ини, которая оказывалась справа. А слева на поле вдоль основания высокой горы стояло буквально пять домов — деревня Барановка. Затем небольшой подъем через заросли тальника и окраину деревни, рядом с которой и построили полигон для студенческой практики.

Это долгое хождение происходило много лет. Позже сделали остановочный пункт «Учебный», до полигона стало ближе. Но это случилось не сразу, переписка с железнодорожниками длилась не один год.

А поначалу студенты в летний период дежурили на перевозе через Иню. Приходишь на берег, садишься в лодку с дежурным перевозчиком, переезжаешь на другой берег, и все! Дорога через лес до станции была во много раз короче. Обычно родители пугали меня всякими ужасами и старались, чтобы в город я ездила не часто и по лесу до электрички шла с кем-нибудь из знакомых.

Боже мой, как я любила полигон! (Точно такие же восторженные слова произнес Андрей, когда я спросила его про жизнь на полигоне.) Как ждала лета, чтобы уехать туда с родителями!

Целое событие — вывоз вещей. Отец где-то арендовал грузовик, наверное, в институте. Мама запасала продукты на все лето, сахар, крупы, консервы, собирала одежду. У нас долго был такой походный папин сундук с ремнями, который остался еще от его работы в геодезической партии. Я всегда ехала в кузове на вещах и блаженствовала.

Во-первых, мечтала, что увижу *его*, сына одного преподавателя. Звали его Юра Киричек. Господи, он ни сном ни духом не ведал, что кто-то по нему страдает! Кстати, Игорь Лямзин, моя детская любовь, тоже жил на полигоне с матерью, Марией Александровной Федоровой. Но он меня уже не интересовал. А с Юрой я вообще не общалась, мы были как будто незнакомы. С тремя Наташами: Напалковой, Черниковой и Озеровой — и еще с кем-то мы носились целыми днями, уходили в леса гулять.

Первый летний сезон мы жили в бараке без окон недалеко от столовой, поэтому дверь всегда была открыта, закрывали ее только на ночь. С одного торца — наша комната, а с другой стороны жила Тамара Никитична Щетникова с детьми — Ирой и Сережей. Вот они в то лето были в нашей компании. Их мама была начальником отдела кадров института, очень красивая, спокойная женщина. С Иринкой мы долго дружили.

Однажды в рукав моей куртки попала летучая мышь! Курточка висела у входа, и вот это существо как-то туда забралось. Я стала одеваться, сунула руку в рукав, почувствовала что-то живое и заорала! Она вылетела снизу из рукава сразу на улицу! Но ощущение мерзости не забылось до сих пор.

Потом для преподавателей построили отдельный длинный корпус с небольшими комнатками. Вот мы вчетвером — я, брат и родители — там и жили. В комнате стояли две двухъярусные кровати, внизу спали родители, а мы с братом наверху.

Все это было как бы на возвышении, а ниже в сторону Ини стояли корпуса для студентов. В центре — чертежка, где студенты занимались. На ее крыше была крупная белая надпись: «СЛАВА КПСС». Когда бежишь сверху вниз, то эта надпись видна. Однажды нас бежало много, всякая мелюзга тоже за нами. Один из ребят громко прочел эти слова вслух и тут же получил в ухо от мальчика по имени Слава! Он решил, что его как-то обозвали.

Справа перед спуском — столовая, рядом с ней стоял стол с ящиком под навесным замком, а внутри — телевизор. Тут же стояли лавки, вечерами народ смотрел новости и кино.

Рядом с преподавательским корпусом, где жили и мы, — небольшая кухня с плитками, там народ готовил еду. У мамы была духовка, в которой мы даже пекли торты! Именно на этой кухне Зоя Александровна — мама Тани Сурниной, будущей Галиной аспирантки, научила меня стряпать торт «Мишка», и он надолго стал моим фирменным.

У семьи Юршанских был черный спаниель по кличке Нептун. Днем двери у всех были открыты, и Нептун частенько наведывался в гости. Однажды мама испекла заварные пирожные, но не успела начинить их кремом — ушла на работу в чертежку. Пирожные сложила в кастрюлю и поставила ее под кровать в тень. Думала, что после работы вернется и закончит с пирожными. Вечером вернулась, сразу стала варить заварной крем. Достала кастрюлю, открыла, а там, на дне, всего несколько штук! Она к нам с братом — вы съели?

А мы — ни сном ни духом — не брали! Мама не поверила нам, мы обиделись, а пирожных так хотелось...

Мы вообще не знали, где эти пирожные находились, и не видели, куда мама их ставила. А она нам показывает и снова ставит кастрюлю под кровать. Сидим все в комнате, пригорюнились. Вдруг качнулась шторка на двери, смотрим, а это Нептун! Забежал и сразу под кровать. Отодвинул носом крышку, засунул морду в кастрюлю, хват пирожное и тащит! А крышка укладывается на место сама собой. Пирожное исчезает, Нептун облизывается и выбегает из комнаты. Тут мы всё и поняли! Вот такой воришка!

Сразу за кухней начинался лес, туда уходила дорожка, в конце которой стоял белый домик.

Мама Наташи Озеровой работала в библиотеке, а мы с Наташкой помогали ей, нам нравилось болтаться рядом со студентами. Если тетя Зоя уходила ненадолго домой, то мы выдавали книги, записывали их в формуляры, страшно важничали и кокетничали, хотя были еще даже не старшими школьницами. Стеллажи с книгами стояли открыто, ребята ходили между ними, выбирали книги. В результате потом многих книг недосчитались. Парни уносили книги без записи, а мы, вороны, не замечали этого!

Владимир Федорович Черников приходил на обед, брал полотенце, звал дочерей Наташу и Таню с собой, ну и меня за компанию — купаться. А потом, когда я научилась достаточно хорошо плавать, мы сами целыми днями валялись на берегу, до одури купались, загорали до черноты. Сколько раз я переплывала Инюшку — не счесть! Берег со стороны полигона был пологим, на берегу мелкие острые камни, на дне — то же самое, заходить в воду очень неприятно. И глубина не сразу, дно долго пологое. Посредине реки — полавки деревянные, там можно было отдохнуть. А вот другой берег весь зарос ивняком, вылезти трудно, берег крутой и глинистый. А в воде — водоросли, которые опутывали ноги. Один раз я думала, что не выплыву. Зато у этого берега в тени росло много кувшинок и лилий.

Один раз уговорила маму, чтобы она пришла на берег и оценила, как я ныряю. Мама пришла, я стала демонстрировать ей, как солдатиком ухажу под воду и не сразу выныриваю. Мама испугалась, стала кричать мне, чтобы выходила, а я не понимала, чего она боится, и продолжала нырять по-всякому. Она стала бросать в меня камушки — испугалась за меня, а я продолжала демонстрацию. В результате мама ушла домой, сказав бессмертные слова, что если утону, чтобы не вздумала возвращаться (не вру, честное слово!).

А еще мы любили купаться поздно вечером, когда над водой уже стелился туман, а вода была как парное молоко. В этой же речке мы и баню устраивали, мыли головы, после чего волосы были пушистыми.

Позже мы жили уже в своем домике. Рядом стоял домик Жориного отца, он тоже работал на полигоне. Мы дружили втроем — Наташа, я и Жора, — купались, бродили по лесам, а иногда к Жоре приезжал его друг Левка. Жоре очень нравилась Наташа. Он был большим

выдумщиком, много читал и предложил мне участвовать в его рукописном журнале. Я даже что-то туда писала. Жора велел придумать каждому псевдоним, и я его изобрела — Татьяна Глан. Теперь это имя входит в мой электронный адрес, как память о детстве-юности. Жора работает в книжном магазине, он большой знаток книг. А Наташа после работы в институте уехала жить в Америку к дочери.

Жора — единственный друг с детства, который звонит мне два раза в год: в Новый год и 8 Марта. И если этого звонка не будет, значит, моего друга просто нет на свете.

Еду мама готовила в кухне, но иногда посылала меня в столовую во время обеда за супом и котлетами. У нас был такой набор из трех алюминиевых кастрюль для всех трех блюд — одинакового диаметра, но разных по высоте. Они ставились друг на друга и сцеплялись специальной ручкой. Вот я и носила первое, второе и третье домой, когда мама не успевала приготовить. Эти кастрюли у меня живы до сих пор и работают на даче.

Однажды я растянула связку на щиколотке, когда неслась вниз с горы к чертежке, было ужасно больно. Дома туго перебинтовала ногу и просидела на кровати всю ночь, тихо подвывая.

Мы часто бегали босиком, один раз я бежала по стерне и на бегу специально пригибала ступнями остатки травы, чтобы не кололо. А в земле лежала железяка углом, и я пробила пятку. Кровь лилась за мной, как за Щорсом, пока я хромала до дома. Мама вымыла мне ногу и велела идти к фельдшеру, который жил с обратной стороны столовой, там у него и медпункт был. Я шла, наступая только на пальцы, чтобы не запачкать ступню. Пришла, а он ест. Равнодушно посмотрел на меня и махнул рукой — жди. Я села на стул у двери, а кровь течет, и слышно, как она капает. Натекла приличная лужа. Было слышно в тишине — кап-кап! Наконец господин фельдшер доел и взялся за мою ногу. И почему я это помню до сих пор? Наверное, поразило его равнодушие и даже отвращение к тому, что он делал.

Мы с девчонками любили уходить в леса за Барановку, там была красивая каменистая гора у речки. Обычно мы шли по берегу вдоль нее или прямо по воде. Но вода была такая холодная, что ноги быстро леденели. Уходили далеко, никто из родителей не знал, где мы и куда нас понесло. Знали, что мы бродим где-то в окрестностях.

Андрей рассказывал, что его компания мальчишек тоже бродила по окрестностям полигона и однажды ребята заблудились. Где полигон, непонятно. Хорошо, что недалеко стоял геодезический знак, который был выше окружающего леса. Брат влез на него и увидел, в какую сторону идти. Так и вернулись домой.

Очень часто папа брал меня с собой в поле к студентам, которые там что-то снимали. Перед уходом мама говорила, чтобы я взяла с собой бутылку с водой, ведь была жара. Но папа не разрешал, он заставлял меня выпить большую кружку горячего сладкого чая и говорил, что этого достаточно для того, чтобы ходить по жаре. А если начать пить

в дороге, то уже и не перестанешь и будешь пить бесконечно. Я так и делала, и до сих пор стараюсь следовать его совету.

Мы уходили в поля и леса, отец шел впереди в летней шляпе, в руке у него была палка-трость, которую он сделал сам. Он вырезал ровную палку, по-моему, из осины, судя по цвету коры, потом острым ножом резал на ней орнамент, лишнее убирал, получались белые квадратики, треугольники и полоски. Брал лупу и на солнце выжигал эти светлые участки. Потом снимал нетронутую шкурку, и получалось очень красиво — чередование черных выжженных участков и белой серединки. Потом это белое постепенно затиралось и становилось светло-коричневым. Таких палок у отца было много, у него их выпрашивали, он дарил.

Пока отец занимался со студентами, я бродила по ближайшим околкам, собирала ягоды — в основном клубнику и костянику. Еще в этих лесах было много боярки.

В преподавательском корпусе мы прожили, наверное, два лета, а потом самые смелые стали строить свои домики. Напалковы купили ниже астроплощадки старую хибарку, которая со временем превратилась в приличную дачу. Потанины пошли дальше, они купили нормальный деревенский домик близко к реке. Многие тоже покупали дома в деревне, но в них надо было кого-то прописывать, иначе дом не мог быть собственностью. И вот в эти домишки прописывали всяких старых родственников.

Мой папа не хотел так делать, он говорил, что те, кто купил дома и стал сажать редиску, — куркули! Но мама, наверное, настаивала, тогда отец решил строить домик прямо рядом с преподавательским корпусом.

На помощь были вызваны мамины племянники Толя и Степан Лановые. И домик сколотили, простой, фанерный, в одну комнату, но с маленьким крылечком, с чердаком, на который вела лестница из комнаты.

Мы с братом спали на полу чердака на матрасах без раскладушек, потому что потолок был близко, а мы с братом оба длинные и в полный рост встать не могли. Когда шел дождь, то звук воды, стучавшей по шиферной крыше, был хорошо слышен! Казалось, что бьет по голове, но все равно там было уютно. Мы с Андреем много хохотали. Между перекрытиями что-то непрерывно скреблось, брат говорил, что это — махрютки. Брат был младше меня на семь лет, но я верила ему и побаивалась, что эти самые махрютки могут упасть на лицо.

Для обогрева комнаты внизу в прохладное время мы использовали духовку.

Всеволод Петрович, отец Наташи Напалковой, иногда звал нас поздно ночью на астроплощадку на занятия студентов, показывал нам Луну, кольца Сатурна, звездное небо.

Огромным удовольствием был настольный теннис. У нас около корпусов стоял теннисный стол, где мы научились играть. Это так

затягивало, что мы скакали у стола целыми днями. И если мамы звали поесть, то мы неохотно отвлекались от стола, ели, стоя на одной ноге, потому что хотелось быстрее продолжить игру. Помню, как приходил к нам один преподаватель — Меркушев, он классно играл! Его дети, натренированные отцом, учили нас играть днем, а вечером он сам давал нам мастер-класс. Мы и парами играли, и на вылет.

Когда я научилась резать справа, то была очень горда, а вот слева научилась намного позже. Потом Меркушев учил нас играть пером, это когда ракетка в руке смотрит вниз, а мяч летит с подкруткой. У нас уже появились свои ракетки, которыми мы дорожили.

Помню, когда прибежала домой поесть, мама мне выговаривала, что я скачу весь день без толку и что это занятие меня не прокормит. Но я слушала вполуха и бежала обратно к столу.

Не могу не вспомнить, как я играла в теннис уже после первого курса внизу возле студенческих корпусов и все выигрывала и выигрывала... Партнеры менялись, а я скакала без устали.

И тут напротив меня встал человек, встречи с которым я боялась не только на полигоне, но и когда первый раз пришла на занятия в институт еще на Потанинскую. Не будем указывать на него пальцем, но я действительно боялась с ним встретиться. А тут он — мой противник. Играл он хорошо, сильно и резать умел. Стало ясно, что если проиграю, то жизнь моя закончится с позором. Я так напряженно играла, вложила все свое умение! И выиграла! Он должен был вылететь, другие претенденты ждали. Но он стиснул зубы и не ушел, нарушив все правила. Народ роптал. Мы поменялись сторонами стола, так обычно делали игроки. Солнце стало светить мне прямо в глаза. Но я снова выиграла! И после выигрыша ушла сама. И была горда, что не проиграла. Можно подумать, что эти победы что-нибудь изменили в моей жизни... Но все равно — не могу этого забыть! Много лет спустя я припомнила ему эту игру, а он признался, что в то время был кандидатом в мастера. Этот проигрыш его задел. Посмеялись вместе над своими тогдашними страстями.

Когда у Гали родился Алеша, то они жили летом у нас на полигоне. Все в одной комнатке, сестра с сыном, родители, и только мы с братом наверху. Потом Мила с Володей подкинули нам дочку, нынешнего великого стоматолога в Барнауле. Она дала всем прикурить! Ни минуты покоя от нее не было! Она удирала сразу и с концами, только отведешь глаза. Кидаешься ее искать — нет нигде! То она убежит к колонке с водой, а там конь со связанными передними ногами щиплет травку, а она уже стоит под ним. То она удирала в сторону белого домика и один раз чуть не ступила в дыру, я едва успела ее ухватить. Однажды ее привели студенты, она удрала в сторону кладбища. А уложить спать ее было просто невозможно!

Родители, Мила и Володя, по очереди делали попытку усыпить дочь — бесполезно! Она непрерывно спрашивала про всех. Вот с дочерью остался Володя, мы все на крыльце, слушаем, как идет воспитательный процесс.

Оля спрашивает отца:

— Мама де?

— Мама ушла.

— Деда де?

— Деда на работе!

— Баба де?

— Баба на работе!

— Таня де?

— Таня спит!

— Дюся де?

— Андрюша спит!

— Сяба де?

Это она про собаку. Единственное, чего боялась эта разбойница, — собака.

— Сяба ушла!

И снова по списку перечисляются все родственники вместе с собакой. Пашков плюет и выходит на крыльцо. У Милы тоже ничего не получается. Тогда Галя говорит Володе:

— Хочешь, усыплю твою дочь? Рубль дашь?

Пашков не верит, но соглашается.

Галя уходит, и мы слышим те же вопросы в том же порядке, но вдруг вопросов уже не слышно, и Галя с торжествующим видом выходит на крыльцо.

— Пашков, давай рубль!

Мы спрашиваем, что и как, неужели спит, почему? Оказывается, когда вопрос дошел до собаки, Галя сунула Оле в нос вывернутую наизнанку папину меховую собачью жилетку, которую все очень любили надевать в холод, и сказала:

— Вот она, сяба! Закрывай глаза! Спи!

Та с испугу глаза закрыла и заснула. В общем, у нас было весело.

Привет с полигона НИИГАиКа

Прошло уже много лет. Благодаря современным средствам связи я получила привет из прошлого. Отсканировала старые фото, в том числе и те, на которых мой отец совсем молодой, школьник, студент, уже геодезист. И тут на мою страницу в «Одноклассниках» вышел бывший папин студент и прислал мне свой рассказ. Вот он.

Добрый день, Татьяна!

Очень приятно было видеть фото уважаемого Бориса Александровича! Я учился в НИИГАиКе с 1962 по 1967 годы. Хочу вспомнить годы общения с этим замечательным человеком, особо во время учебной практики на полигоне. Помнится, я сидел в камералке и считал на арифмометре приращения. Подходит ко мне Борис Александрович и говорит, что арифмометр — не швейная машинка. Тут же показал, как его нужно поставить перед собой и как правильно делать вращения ручкой «на слух» парами, тройками вращений. Это привело в неописуемый восторг всех

присутствующих, а девчонки гурьбой подошли к Борису Александровичу и атаковали его словами:

— Борис Александрович, и нас, пожалуйста, научите.

На что прозвучал ответ:

— Пусть Хрипков вас теперь учит! — И своей «коронной походкой» вышел из камералки. А ходил Борис Александрович прямо, слегка опираясь на трость (красиво фигурно обожжённая палка). Был он в меру строг и очень справедлив. Звали его все студенты ласково «пан Гловацкий».

Спасибо Вам за эти минуты прекрасного общения. Я всю свою трудовую жизнь проработал по своей специальности на Сахалине (Курилах), в Магадане, Коми, Эстонии, на Украине, в Башкирии и немного в Карачаево-Черкесии и ничуть не жалею о своей специальности. Всего доброго!

Вячеслав Хрипков

Я не могла не ответить на эти слова.

Добрый день, Вячеслав! Боже мой, как мне приятно! Спасибо Вам! Вы знаете, что у нас дома тоже был арифмометр, трофейный, как говорил папа. В это время все считали на логарифмических линейках, а у меня был арифмометр! И все мне завидовали! Отец тоже научил меня на нем считать, показал, как определять порядок результата. А на снимке есть эта его палка, которых он сделал немало и раздарил их всем. Меня он тоже научил делать такие. Я училась в НИИГАиКе с 1965 по 1969, но я — не геодезист, а спектроскопист. Но моя сестра Людмила, ее муж и моя мама — геодезисты. И так как я много лет провела на полигоне, можно считать, что я там выросла, мне все это знакомо. Огромное Вам спасибо за память! Пан Гловацкий — это верно! А меня впоследствии звали пани Гловацкой...

Донецк — Подольск — Москва

В 1968 году мы вместе с Ольгой Пановой совершили круиз: Донецк — Львов — Москва — Подольск. Это были зимние студенческие каникулы, первые после смерти папы в 1967 году. Я впервые в жизни летела самолетом. Сидела у окна рядом с крылом самолета и страшно боялась.

Во время снижения вдруг увидела в окно, что плоскость крыла разломилась вдоль! Я была в шоке! Но решила никому ничего не говорить. Думаю, ну все! Сейчас самолет упадет! Сижу, затаилась, мысленно прощаюсь с жизнью. И даже Ольге ничего не говорю. К моему великому изумлению, самолет сел благополучно. Тогда я открыла страшную тайну Ольге, она долго надо мной хохотала. Оказывается, что самолет таким образом тормозит, а отвалившаяся часть крыла — это закрылки, которые для того и опускаются.

Прилетели в Донецк. Там жил с семьей старший сын отца, брат Галины — Анатолий. А у Ольги здесь жила тетя, сестра умершей матери. Пробыли мы там недолго и полетели во Львов к другу Ольгиного отца, местному украинскому писателю. Он жил с женой и двумя сыновьями в центре города в особняке на два хозяина. Нам отвели отдельную комнату с газовой изразцовой печью. В доме было прохладно, а я очень этого не люблю.

Писатель говорил по-украински приятным певучим говором. Жена у него была русской, работала медсестрой в больнице. От нее мы впервые услышали, как неоднозначно относятся на Западной Украине к русским. Для нас это было не очень приятной новостью. Она говорила, что русским сотрудникам больницы достается работа в самые трудные ночные смены, но все обставляется так, что формально придраться не к чему.

В Львове была странная для нас погода: на улице то плюс один-два градуса, то ноль. Снега нет совсем. Тротуары, выложенные плиткой, влажные. А по ним идут дамы в шубках и туфлях на высоких каблуках. Видеть это было непривычно. И при такой, казалось бы, теплой погоде нам было холодно! Наверное, из-за высокой влажности.

Мы много гуляли по городу, нам все нравилось — брусчатка на дорогах и тротуарах, старинные дома, костелы со стрельчатыми башнями. Жаль, что тогда у меня не было фотоаппарата, вот бы я снимала! Недалеко от Оперного театра мы увидели толпу совершенно трезвых мужчин с цветными флагами, которые стояли живописной толпой и переговаривались друг с другом. Выяснилось, что это болельщики, фанаты, у них здесь постоянное место сбора, какие-то ритуалы. У нас в Сибири мы такого не видели.

В центре города, где мы в основном гуляли, были необыкновенные улицы. Они все время слегка изгибались и плавно поворачивали. Не было возможности увидеть конец улицы. Видимость — один-два дома, и снова поворот... Местами улочки были такими узкими, что непонятно, как здесь сможет проехать машина!

Все дома на улицах касались друг друга боковыми стенами. Иногда между домами попадались арки. Все время казалось, что вот-вот из этой арки появится что-то или кто-то необычный, может, вооруженный бандит или дама из прошлой жизни.

Католические костелы были необыкновенно красивы! Хотелось зайти, тем более что все они были действующими, там шли службы. То ли мы были тогда закоренелыми атеистами, то ли по какой-то другой причине, но внутрь мы не зашли ни разу.

Однажды на плавном изгибе улочки мы чуть не наступили на ноги какой-то женщины. Она стояла на коленях, прямо на тротуаре перед источником воды, которая медленно стекала из стены в каменную чашу. Женщина молилась, не обращая ни на кого внимания. Поскольку тротуар был очень узким, ее ступни доходили до его края, дальше была уже дорога. Пришлось перешагнуть через эти ноги в простых чулках и растоптанных старых туфлях.

Был еще один интересный момент. Мы зашли в булочную, чтобы купить что-то к чаю, а когда выходили, то в дверях столкнулись с красавцем-мужчиной, который козырнул нам и уступил дорогу. Самое главное: он был одет в форму немецкого офицера! Представьте наше изумление! Мы просто впали в ступор! Немецкий офицер! Ну как можно в это поверить, как это объяснить? Оказывается, недалеко от этой булочной снимали кино про нашего разведчика Николая

Кузнецова. Артист просто пошел в булочную. Не переодеваться же ему для этого! А местные жители к таким вещам привыкли. Кино там снимали часто.

Пока мы гуляли по городу просто так, то никакого национализма мы не замечали, хотя писатель нас предупреждал, что это может как-то проявиться. Он рассказывал, что пару лет назад бандеровцы тушили Вечный огонь у Монумента Славы и не давали его зажечь — стреляли в милиционеров.

И все-таки мы столкнулись с нелюбовью к русским. В первых этажах домов располагались маленькие магазинчики, буквально один за другим! Заходишь в дверь — там прилавок, под стеклом товары — например, нитки, пуговицы и прочее, а сзади тебя уже нет места для другого человека — дверь за спиной! Вышел, прошел метров пять, опять вход в такой же маленький магазинчик. Я помню, что Галя сунула мне в карман 25 рублей, когда мы уезжали, за что ей спасибо. Хотелось что-нибудь купить. И вот тут все и началось. Стоило мне открыть рот и спросить продавщицу о чем-либо, как она, до этого момента улыбавшаяся нам как потенциальным покупателям, сразу менялась в лице. Полное непонимание русского языка, ледяное выражение на лице, нескрываемое отвращение. Приходилось просто выходить из магазина. Было обидно. Потом мы догадались, что спрашивать нужно Ольге, она хорошо говорила на украинском языке, так как в детстве они с отцом жили на Украине. Я об этом не знала и была удивлена, когда однажды на улице к нам обратилась на украинском языке одетая по-деревенски женщина. Она что-то спрашивала и говорила быстро, красиво, переливчато, но для меня непонятно. Запомнилось слово «зупынка». Я только собралась ответить ей, что мы не понимаем, как вдруг Ольга открыла рот и на чистейшем украинском языке ответила ей! Вот это да! Я и не догадывалась, что она знает язык! А Ольга и сама потом сказала, что не ожидала этого от себя. Просто сработали какие-то инстинкты, на украинскую речь женщины автоматически ответила память, и нашлись нужные слова. А «зупынка» — это остановка, женщина спрашивала, где остановка автобуса.

Как-то мы гуляли и увидели почту. Я решила дать телеграмму маме. Зашла внутрь, Ольга осталась на улице. Прошу бланк, заполняю, кладу на барьер, за которым сидит женщина и болтает с коллегой. На почте нет никого кроме меня, пусто. Не понять, что я подаю заполненный бланк телеграммы для отправки, невозможно. Но на меня не обращают никакого внимания. Стою, придерживаю бланк рукой, он свесился вниз прямо к приемщице. Ноль внимания! Проходит минута, другая, третья... Начинаю закипать. Ну обидно же! Уже понятно, что это — демонстрация презрения ко мне, русской. Я же просила бланк по-русски. А надо вам напомнить, что при заполнении бланка в самом низу нужно было писать адрес отправителя и фамилию. И естественно, внизу я написала свою фамилию — Гловацкая.

Наконец-то приемщица соизволила поднять на меня глаза и взять бланк. Читает текст, говорит сумму, я оставляю деньги на барьере и просто вылетаю за дверь, даже не дождавшись квитанции. Слезы на глазах от обиды, быстро пересказываю Ольге ситуацию, и мы идем дальше. И вдруг слышу сзади:

— Пани Гловацкая! Пани Гловацкая! Вы забыли квитанцию!

Мы оборачиваемся и видим, что приемщица бежит к нам без пальто, в протянутой руке — квитанция, на лице — улыбка во весь рот!

Когда мы пришли домой и рассказали хозяйке про этот случай, она объяснила, что ситуация — типичная, а моя польская фамилия изменила ее! Будь я Ивановой или Петровой, никто бы за мной не побежал.

Прожив в гостях несколько дней, мы с Ольгой совершили подвиг и съездили практически на границу с Польшей — в город Яворов. Там служил товарищ нашего однокурсника Виктора Андреева — Саша Пичуев. Однажды Виктор попросил нас с Ольгой написать его товарищу письмо в армию, чтобы тому не было скучно. Мы написали шутивное совместное письмо, он ответил, завязалась переписка. Сначала отвечали вместе, потом разделились, писали по отдельности. А когда он узнал, что мы будем во Львове, он сообщил, как найти его часть, чтобы увидеться. Он был освобожденным комсомольским лидером части и имел ряд привилегий — мог свободно уходить в увольнение.

До Яворова мы добрались на автобусе. Яркое светило солнце, под ногами была каша из мокрого снега и воды, было жарко в зимних пальто, ноги промокли. Но где найти эту военную часть? Мы спрашивали у людей, от нас шарахались. Тогда мы подошли к милиционеру и спросили у него. Он нас долго пытал, но потом понял, что мы не шпионы, и показал, куда идти. Мы долго шлепали по снегогрязи, но нашли железные ворота с красными звездами. Нам открыли, мы назвали фамилию Саши. Он нас ждал, мы же писали, что приедем. Правда, потом он признался, что не верил в наш приезд. Все-таки это было нереально — из Сибири в такую даль.

Его позвали, он вышел и повел нас в военный городок, где жили офицеры. Буквально накануне окончил службу и уехал его командир. У Саши были ключи от его пустой квартиры. Она была настолько пустой, что в ней не было ничего, кроме обрывков бумаги на полу. Ни дивана, ни стола, ни стула. Нам предстояло здесь ночевать, так как назад ехать было уже поздно.

Мы что-то ели, а потом легли спать на полу, куда Саша постелил шинель. Он в середине, мы по бокам, и говорили всю ночь, периодически засыпая. Расспрашивали его, как им тут служится на этой недружелюбной Украине. Он рассказывал нам много интересного. В частности, про мальчишек, которые в России бежали бы за танками и просили прокатить. А здешние пацаны норовят бросить камень в голову солдата, высунувшегося из люка.

Диплом. Институт математики

Прошло время, практика закончилась, начались занятия на последнем курсе института. Когда мы разъезжались на практику, нам говорили, что мы должны привезти доказательства того, что мы не на пляже болтались все лето, а работали, то есть дневник практики и всякие образцы. И я, как умная Маша, тащила спектральные пластинки, очень гордая, что сделала много полезного, многому научилась. Но никто у нас ничего не спросил, никому не было дела до наших результатов. Обидно, но не в этом суть.

Надо было писать диплом, а для этого нужно было выбрать место, где тебя возьмут на преддипломную практику и где ты будешь писать этот самый диплом.

Всех спектроскопистов стали водить по разным научным институтам, знакомить с лабораториями, где использовался спектральный анализ. И постепенно две группы растворились по разным местам. Осталось несколько неприкаянных девочек, в том числе я и Ольга. И вот нас привезли в Институт математики в Академгородке, завели в одну лабораторию. Стоим, смотрим. Посреди комнаты стоит большой и длинный прибор как бы на столе, но это не просто стол, а часть прибора. Огромный серый кожух, на передней панели всякие ручки. А сверху два огромных круга с делениями, и эти круги тихо движутся.

А из плоского отверстия под прозрачной крышкой неспешно выдвигается лента — с лицевой стороны она покрыта воском, а тыльная сторона красного цвета. На восковой части ленты острая игла процарапывает кривую спектра. Я, как замороженная, смотрела на прибор, не отрываясь. Пока хозяйка лаборатории, милая женщина, Дина Павловна Шипилова рассказывала нам, что это за прибор, что он делает, прибор закончил какой-то цикл, вращение кругов прекратилось, и раздался длительный звонок. Так прибор говорил, что работу он завершил. Дина Пална прервала рассказ, подошла к прибору, откинула прозрачную крышку и потянула ленту на себя. Это был прибор фирмы «Карл Цейсс Йена» — инфракрасный спектрофотометр UR-10. А нам про него рассказывали в курсе молекулярной спектроскопии, но рассказывали кратко, на пальцах, так как молекулярная спектроскопия была довольно новой частью науки и давалась нам в общих чертах.

Метод молекулярной спектроскопии применяется при исследовании диэлектриков, то есть в том случае, когда другие методы исследования не работают. Ну, дальше не углубляюсь, так как это никому не интересно. Когда нас спросили, кто останется здесь, я ответила утвердительно, так как поняла, что это — моя судьба. Ольгу этот прибор не привлек, ее увели в Институт геологии, где она и осталась.

Работу на приборе я освоила очень быстро и полюбила его навек. А когда мне пришлось работать с аналогичным прибором

отечественного производства (ЛОМО), то негодование моему не было предела. Все неудобно, неуютно, сложно. К тому же в этих приборах круглосуточно должны поддерживаться определенная температура и влажность, так как прибор использует соляную оптику, а не стеклянную. И если в работе с UR-10 проблем с круглосуточным подключением к электричеству не было (в Академгородке работали умные люди), то у нас в ОКБ мне не удалось убедить в этом начальство. Температура и влажность у нас менялись непрерывно, и моя соляная оптика вылетала из строя очень часто. Призмы просто мутнели, их надо было менять в Питере в ЛОМО.

Дина Пална часто посылала меня в ГПНТБ читать и переводить статьи по теме моего диплома. Работать в библиотеке мне очень нравилось, я любила копаться в огромной картотеке и даже делала попытку поступить на курсы патентоведения.

В общем, зима длилась долго, я намерзлась за это время. И тогда первый раз увидела надписи на замерзших окнах автобусов: «Терпите, люди, скоро лето!» и «Меняю тещу на валенки!».

Приближалось время защиты диплома. В это время моя сестра Мила была глубоко беременна Костей. Она приехала к нам в гости и очень помогла мне — она подписывала названия глав в дипломе. Почерк у нее превосходный, и она, и мой младший брат Андрей умеют рисовать, в отличие от меня. Писать надо было черной тушью, и она с этим прекрасно справилась. Она сидела за столом, на нем лежала чертежная доска, край которой был приподнят. И вот она пишет, а в это время неизвестный нам ребенок у нее в животе толкается, двигая доску в самый неожиданный момент!

20 июня 1969 года я защищала диплом. Из всего курса нас было всего пять человек, которые разными способами исследовали тонкие пленки. Это было начало тонкопленочной технологии, начало, в котором мы принимали участие.

Чтобы волнение не мешало, мама дала мне таблетку реланиума. Поэтому я была абсолютно спокойна во время доклада. Когда вышла за дверь, то увидела маму, которая преподнесла мне букет цветов, чтобы поздравить меня, расцеловала и сказала, что Мила вчера, 19 июня, родила мальчика! Это и был Костя!

После защиты у нас был банкет в ресторане «Россия» за Мону-ментом Славы. Огромный зал, высокие потолки, много столов. И наш стол — длинный, а во главе стола — наш любимый декан оптического факультета Олег Альбертович Майер! Если представить его — он был похож на Юрия Визбора, на актера Александра Балуюва, что-то среднее! Высокий, мощный, спокойный, открытый лоб, залысины; белокурые волосы, переходящие в седину, зачесаны назад. Он очень красиво курил. А как он улыбался! И все пять лет мы мечтали покурить вместе с ним! По-моему, в него были влюблены все девчонки нашего курса! Ну я-то точно!

В бокалы с шампанским опущены значки, шампанское выпито! Какие-то речи, этого я не помню. Помню другое — как все сели

в кружок около Олега Альбертовича, он вынул свою замечательно красивую зажигалку и тут к нему протянулся лес рук с сигаретами! Он, не закрывая зажигалку, медленно обвел нас по очереди глазами, улыбаясь чуть-чуть. А когда очередь дошла до меня, спросил:

— И ты? А мама знает?

После банкета мы поймали такси, в машину набилось человек шесть девчонок, мы хохотали, в руках у нас были сумки с шампанским. Шофер повез нас к Свете Зябкиной, которая жила за ГПНТБ в Октябрьском районе. Он удивлялся и спрашивал, что у нас за праздник? И никак не мог отгадать! Называл и свадьбу, и день рождения, и новоселье! А у нас была защита диплома!

А дальше надо было ждать распределения. Моя мама, которая работала в институте в отделе кадров, была секретарем распределительной комиссии. Буквально накануне я решала вопрос, в чем идти на распределение. У меня была клетчатая юбка в складку из шотландки нежно-фиолетового цвета с тонкой красной линией. Шила мне ее, конечно, мама, как и всю остальную одежду. Что только она мне не шила! Так вот, я распустила юбку, разгладила ее и за полдня сшила себе платье — колокол мини, с расширенными рукавами три четверти, с воротничком, под ним разрез в виде капли. Разобрала бусы, которые привезла из Донецка, украсила ворот и рукава. Мама всего этого не видела. И в этом модном коротком платье, в высоких шоколадных замшевых донецких сапогах заявила на комиссию. Девчонки одобрили мой вид.

Заходили мы в кабинет по очереди в соответствии со средним баллом за все годы учебы. Я заходила пятой — у меня было 4,75. Когда я появилась в дверях, то мама чуть не рухнула со стула! Когда со мной поговорили, она выскочила за мной и стала отчитывать меня: как я могла прийти в таком коротком платье! Опозорилась! Да, вот так в борьбе мы отстаивали моду на мини.

Меня распределили на завод имени Ленина. Это было не по специальности! Я должна была бы конструировать спектральные приборы, а не работать на них! То есть меня распределяли как оптика, а не как спектроскописта. И это было ужасно! Дома я плакала, просто редела белугой. И мама пошла к ректору просить, чтобы мне дали свободное распределение. И поскольку моих родителей, особенно папу, в институте уважали, то ректор дал согласие.

Я рассказала все Дине Палне, и она мне помогла. Буквально накануне она была в городе на какой-то научной конференции и познакомилась с молодым начальником лаборатории тонких пленок Юрием Ивановичем Полещуком. Он работал на электровакуумном заводе в ОКБ, дело было новое. Дина Пална спросила его, как они собираются исследовать эти самые тонкие пленки? И предложила меня и наш метод инфракрасной спектроскопии. Полещук согласился со мной встретиться.

Было лето, мы договорились встретиться в конце августа. И вот я оформилась на работу. Все было внове. И всякие секретности,

и система пропусков сложная, и огромная территория завода, и здание ОКБ высокое и длинное.

Юрий Иванович повел меня к главному инженеру. У меня с собой были спектры двуокиси кремния, которые я исследовала, работая над дипломом. Это те самые рулончики на красной восковой ленте. И смотреть их надо было, разворачивая рулон слева направо горизонтально. Я очень волновалась, вдруг он спросит меня о том, чего я не знаю! Мы сели, я протянула ему спектры и рассказала про метод исследования. И вдруг вижу, что он развернул рулон вертикально, как старинный свиток! Мне сразу стало спокойно, я поняла, что он не знает, что это такое, и ни о чем сложном меня не спросит.

Раньше молодой специалист при поступлении на работу по распределению из института получал на новой работе подъемные. А так как у меня было свободное распределение, то никаких подъемных мне не полагалось. Почему-то пришлось часто доказывать своим товарищам, что я их действительно не получала.

(Окончание в следующем номере.)

